ИЛ

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ISSN 0130-6545

16+

2018
7

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР

ФРАНЦИЯ: ПОВЕСТКА ДНЯ

Основан в 1955 году

[7]
2018

ИНОСТРАННАЯ ИЛ ЛИТЕРАТУРА

Ежемесячный литературно художественный журнал

Франция: повестка дня

3 Эрик Вюйяр *Повестка дня*. Рассказ. Перевод Тимофея Петухова
61 Людовик Жанвье *Что нового под мостами*. Поэма. Перевод и вступление Екатерины Каневской
66 Жан-Кристоф Рюфен *Потерпевшие крушение*. Рассказ. Перевод и вступление Ирины Дмоховской
83 Анни Сомон *Рассказы*. Ирины Дмоховской
95 Жюль Сюпервьель *Стихи*. Перевод и вступление Александра Давыдова

Литературный гид *Патрик Модиано* 101
102 Патрик Модиано *Время*. Рассказ. Перевод Марии Аннинской
112 Патрик Модиано *Жизнь в коллективе*. Из дневника. Перевод Татьяны Чугуновой
115 Патрик Модиано *Ворваться в замок Спящей красавицы*. Эссе. Перевод Татьяны Чугуновой
116 Робер Галлимар *Писатель, родившийся в издательстве “Галлимар”*. Перевод Татьяны Чугуновой
118 Доминик Зерфюсс *П. М.* Очерк. Перевод Татьяны Чугуновой
120 “*Чем я обязан кинематографу*”. С Патриком Модиано беседует Антуан Годмар. Перевод Татьяны Чугуновой

Литературное наследие 131 Фредерик Лепле *Путешествия по России (1844, 1853 гг.)*. Перевод Алсу Губайдуллиной. Вступление и комментарии Игоря Кучумова

Документальная проза 180 Пьер Жоаннон *Они бродили по улочкам Антиба и Жуан-ле-Пена*. Перевод Ирины Волевич

№ 210 Александр Мелихов *Легко ли быть Селином?*

Статьи, эссе 234 Вера Калмыкова *Посох слепого*

Трибуна переводчика 242 Жорж Нива *Всеядный перевод. Гейне и Байрон в русской поэзии*. Перевод Марии Аннинской

Ничего смешного 257 Бернар Пиво *На помощь! Слова меня съели*. Отрывки из книги. Перевод Ирины Дмоховской

БиблиофИЛ 265 *Среди книг* с Ирене Сушек и Владимиром Новиковым
276 *По материалам зарубежной прессы*. Подготовила Мильда Соколова

Библиография 280 *Французская литература на страницах “ИЛ”*

Авторы номера 282

© “Иностранная литература”, 2018

ИНОСТРАННАЯ ИЛ ЛИТЕРАТУРА

До 1943 г. журнал выходил под названиями “Вестник иностранной литературы”, “Литература мировой революции”, “Интернациональная литература”. С 1955 года – “Иностранная литература”.

Главный редактор

А. Я. Ливергант

Редакционная коллегия:

Л. Н. Васильева

С. М. Гандлевский

О. Д. Дробот

Т. А. Ильинская
ответственный секретарь

Т. Я. Казавчинская

Общественный редакционный совет:

Л. Г. Беспалова

А. Г. Битов

Н. А. Богомолова

Е. А. Бунимович

Т. Д. Венедиктова

А. А. Генис

В. П. Голышев

Ю. П. Гусев

С. Н. Зенкин

Г. М. Кружков

А. В. Михеев

М. А. Осипов

М. Л. Рудницкий

М. Л. Салганик

И. С. Смирнов

Е. М. Солонович

Б. Н. Хлебников

Г. Ш. Чхартишвили

Международный совет:

Ван Мэн

Матей Вишнек

Милан Кундера

Кэндзабуро Оэ

Роберт Чандлер

Ханс Магнус Энценсбергер

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Эрик Вюйяр

Повестка дня

Рассказ

Перевод Тимофея Петухова

Лорену Эврару

Тайное собрание

СОЛНЦЕ — холодная звезда. Сердце его — ледяные шипы. Свет беспощаден. В феврале все деревья мертвы, и река застыла, будто исток перестал изрыгать воду, а море больше не в силах ее глотать. Время стоит. С утра ни шороха, ни птичьей песни, ничего. Вдруг автомобиль, затем второй, и внезапно — чьи-то шаги, фигур не различить. Три звонка, но занавес не поднялся.

Сейчас понедельник, и за ширмой тумана город начинает шевелиться. Люди идут на работу как и в любой другой день, садятся в трамваи, в автобусы, протискиваясь к империалу, и там, несмотря на жуткий холод, грезят в полудреме. Но 20 февраля того года был день не обычный. И все же большинство людей в то утро усердно вкалывали — в плену великой

© Тимофей Петухов. Перевод, 2018
Рассказ будет опубликован в издательстве “ЭКСМО” в 2018 году.

лжи про добродетельный труд, — будто в этих мелких действиях и заключается правда, немая и удобная, и всю эпопею нашего существования можно свести к одной старательной пантомиме. День так и шел дальше — мирно, обыкновенно. Все мотались, кто от дома до завода, кто от рынка до дворика, где сушат белье, и, под вечер, — от конторы до пивной и, наконец, снова до дома, а вдали от добродетельной работы и обыденной жизни перед дворцом на берегу Шпрее из огромных черных автомобилей выходили господа. Им угодливо открывали дверцы, и они следовали один за другим мимо тяжелых колонн желто-серого камня.

Их было двадцать четыре, среди мертвых деревьев на берегу; двадцать четыре пальто черного, каштанового и коньячного цветов; двадцать четыре пары шерстяных подплечников; двадцать четыре костюма-тройки (брюки с защипами и широким отворотом). Вот тени проникли в просторный вестибюль дворца председателя парламента; хотя скоро не будет ни заседаний парламента, ни рейхспрезидента, а через несколько лет — не будет и самого рейхстага, только груда дымящихся развалин.

А пока что двадцать четыре фетровых шляпы покидают головы, обнажив двадцать четыре лысины и бахромки седых волос. Обмен учтивыми рукопожатиями, прежде чем подняться на сцену. В вестибюле собрались почтенные патриции; слышатся шутки, строго в рамках приличия; будто мы на несколько церемонной прелюдии к “garden-party”.

Двадцать четыре фигуры старательно преодолели первый пролет, затем одну за другой осилили остальные ступени, временами останавливаясь, чтобы не перетруждать старое сердце, и карабкаясь дальше, точно на гору невидимых сухих листьев, цепляясь за медные перила и не глядя ни на красоту сводов, ни на изящество балюстрады из-под отяжелевших век. Через боковую дверь их провели направо; несколько метров шахматного пола, а дальше — еще тридцать ступеней, ведущих на третий этаж. Не знаю, кто шел первым в связке, да это, в сущности, и неважно, так как всем двадцати четырем пришлось проделать один и тот же путь, все поворачивая направо, и, наконец, обогнув лестничную площадку войти в широко распахнутые двери гостиной по левую руку.

Говорят, в книге можно все. Я бы мог заставить их вечно ходить по лестнице Пенроуза, и они бы уже никогда не смогли ни подняться, ни спуститься, потому что делали бы то и другое одновременно. На самом деле, книги так и действуют на нас в каком-то смысле. Словесное время, сжатое ли, текучее, непроницаемое или густое, плотное, растянутое, зернистое, — превра-

щает движения в камень, навроде медузы. Наши герои навсегда останутся во дворце, точно в заколдованном замке. Вот они, застывшие, окаменевшие, — чары настигли их еще на пороге. Двери закрыты и распахнуты одновременно, фрамуги сразу и истерты, и выбиты, и вырваны, и восстановлены. Лестницы блестят, но они пусты, люстра сверкает, хотя уже мертва. Мы повсюду во времени. Итак, Альберт Феглер поднялся по ступеням до первой площадки, и, весь в поту, в ручьях пота, чувствуя, как закружилась голова, потянулся к пристежному воротничку. Стоя под огромным позолоченным плафоном, освещающим ступени, он одергивает жилет, расстегивает пуговицу и расслабляет воротник. Возможно, и Густав Крупп тоже остановился передохнуть здесь, обронив сочувственное замечание или отпустив дежурную шутку про старость, словом, как-то выразив Альберту свою солидарность. Потом Густав двинулся дальше, а Альберт Феглер еще пару секунд постоял один под люстрой, огромным позолоченным кустом с гигантским шаром света посередине.

Наконец, они вошли в малую гостиную. Вольф-Дитрих, личный секретарь Карла фон Сименса, на секунду замешкался у балконной двери, пока его взгляд блуждал по тонкому слою инея, покрывшему перила. На какой-то миг он ускользает от низменной кухни этого мира, затерявшись среди тех белых комочков хлопка. И пока остальные судачат, рассеянно теребя золоченые сигарные кольца, и закуривают свои “Монтекристо”, разглагольствуя о кремовом или почти черном цвете покровного листа, — кто-то любит мягкий вкус, кто-то пряный, но все они сторонники чудовищной толщины, с лошадиную кость, — замечтавшийся у окна Вольф-Дитрих качается среди голых ветвей и скользит по глади Шпрее.

А в нескольких шагах от него Вильгельм фон Опель восхищенно разглядывает изящные гипсовые фигурки, украшающие потолок, то приподнимая, то опуская толстые круглые очки. Вот еще один, чей род тянется к нам из глубины веков, от скромного землевладельца из браубахского прихода постепенно продвигаясь сквозь ворох мантий и фасций[1], хуторов и должностей, сперва членов магистрата, потом бургомистров, пока однажды Адам — покинув ничего не предвещавшее материнское чрево, а затем освоив все премудрости слесарного дела — не придумал чудесную машинку для шитья, которая и по-

1. Фасции — символ исполнительной власти (как мантии — власти судебной), и до сих пор сохранились в геральдике: на гербах некоторых регионов и государственных органов. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

ложила истинное начало их славе. Впрочем, он ничего не изобретал. Он нанялся к одному фабриканту, высмотрел все, потом выждал немного и слегка улучшил модель. Затем женился на Софии Шиллер, что обеспечило его значительным приданым, и назвал свою первую машинку в честь жены. Производство с тех пор шло только в гору. Всего за несколько лет швейная машинка прочно вошла в употребление, вписалась в кривую истории и в привычки людей. Истинные ее изобретатели появились слишком рано. Как только успех его машинкам был обеспечен, Адам Опель принялся за велосипед. Но однажды ночью сквозь приоткрытую дверь к нему проник странный голос; он почувствовал, как холодеет, стынет его сердце. Но это не изобретатели швейной машинки пришли клянчить отчисления и не рабочие с заводов требовать доли от прибыли — это Бог призывал его душу; и ее-то пришлось отдавать.

Но предприятия, в отличие от людей, не умирают. Это загадочные, неуязвимые существа. Компания “Опель” продолжила продавать велосипеды, затем автомобили. На момент смерти своего основателя фирма насчитывала уже полторы тысячи работников. И только продолжала расти. Фирма — это такая особа, у которой кровь постоянно приливает к голове. Это свойственно лицам или стыдливым, или юридическим. Последние живут гораздо дольше простых смертных. Так, 20 февраля, когда Вильгельм витает в своих мыслях в малой гостиной дворца председателя рейхстага, компания “Опель” — дама уже почтенного возраста. А сегодня она всего лишь царство внутри другой империи и утратила практически всякую связь со швейными машинками старика Адама. И хотя компания “Опель” очень богатая дама, она так стара, что мы ее почти не замечаем, она стала частью привычного ландшафта. Вплоть до того, что сегодня “Опель” старее, чем многие страны, старее Ливана и даже самой Германии, старее большинства африканских государств, старее Бутана, где сами боги спрятались на облачных горных вершинах[1].

М*аски*

Так, по очереди, мы могли бы подлететь к каждому из двадцати четырех господ, входящих во дворец, коснуться отлетов во-

1. В Бутане действует законодательный запрет туристам подниматься в горы выше определенной высоты; этот запрет мотивирован традиционными верованиями.

ротничка, скользящего узла на галстуке, на секунду затеряться в шевелении усов, замечтаться среди тигриных полосок на их пиджаках, нырнуть в печальные глаза, и там, на самом дне этих желтых и колких цветов мать-и-мачехи, мы нашли бы у каждого одну и ту же дверцу; и дернув за шнурок колокольчика, мы бы вновь понеслись во времени вспять, где на нас сыпались бы все те же наборы уловок, выгодных браков, сомнительных операций — скучный рассказ об их подвигах.

В то 20 февраля под ногтями Вильгельма фон Опеля, сына Адама Опеля, нет уже и следа машинной смазки, велосипед он запер в чулан, про швейную машинку и не вспоминает, а появившаяся в его имени частица подводит краткий итог семейной саге. Глядя на часы, он покашливает с высоты своих шестидесяти двух лет. Осматривается, недовольно поджав губы. Ялмар Шахт хорошо поработал, скоро его назначат президентом рейхсбанка и министром экономики. Вокруг стола собрались Густав Крупп, Альберт Феглер, Гюнтер Квандт, Фридрих Флик, Эрнст Тенгельманн, Фриц Спрингорум, Август Ростерг, Эрнст Бранди, Карл Бюрен, Гюнтер Хойбель, Георг фон Шницлер, Гуго Стиннес-младший, Эдуард Шульте, Людвиг фон Винтерфельд, Вольф-Дитрих фон Вицлебен, Вольфганг Ройтер, Август Дин, Эрих Фиклер, Ганс фон унд цу Левенштайн, Людвиг Грауэрт, Курт Шмитт, Август фон Финк и доктор Штайн. Вот она, нирвана промышленности и финансов. Все хранят молчание мудрецов, слегка раскиснув от почти двадцатиминутного ожидания; дым собственных сигар толщиной с оглоблю щиплет им глаза.

Некоторые тени останавливаются перед зеркалом как бы в задумчивости и теребят узел на галстуке; все как-то осваиваются в малой гостиной. В своих “Четырех книгах об архитектуре” Палладио в одном месте пространно определяет гостиную как комнату для приемов, сцену под водевили нашей жизни; и в знаменитой вилле Годи-Малинверни, пройдя через зал Олимпа, где нагие боги резвятся среди подобия руин, и зал Венеры, где мальчик с пажом сбегают через нарисованную фальшивую дверь, оказываешься в главной гостиной, и там над центральным входом можно прочесть на архитраве окончание молитвы: “...и избави нас от лукавого”. Но напрасно мы бы искали такую надпись там, где проходит наш небольшой прием, во дворце президента рейхстага; здесь другая повестка.

Под высоким потолком минуты текли медленно. Собравшиеся переглядывались, улыбались. Открывали кожаные портфели. Шахт время от времени снимал свои тонкие очки и тер нос, едва удерживаясь от реплики. Все гости благоразумно расселись, уставив на дверь рачьи глаза. Стоял шепот,

прерываемый чиханием. Тогда извлекался платок, и после пары трубных звуков чихнувший приводил себя в порядок и продолжал терпеливо ждать начала собрания. А в собраниях приглашенные знали толк, все они входили в различные правления и наблюдательные советы, были членами каких-то союзов предпринимателей. Не говоря уже о встречах на невыносимых семейных торжествах, этих повинностях унылого, но строгого патриархального уклада.

Густав Крупп, в первом ряду, обтер перчаткой багровое лицо и прилежно откашлялся в платок, у него насморк. С возрастом его тонкие губы стали походить на уродливый полумесяц уголками вниз. У него печальный и тревожный вид; пальцами он машинально крутит изящное золотое кольцо, а мысли его витают в тумане надежд и расчетов — и, очень может быть, эти два слова уже значат для него одно и то же, точно они постепенно срослись.

Вдруг раздается стон петель, скрип половиц; в передней звучат голоса. Двадцать четыре ящерицы встают на задние лапки и вытягиваются. Ялмар Шахт прикусил язык, Густав поправил монокль. За дверными створками слышен приглушенный разговор, потом свистящее дыхание. И наконец, улыбаясь, в дверях появляется председатель рейхстага; это Герман Геринг. Что нас, конечно, не удивляет, да и в целом такое в порядке вещей, обычная рутина. В мире деловых людей подковерная борьба — привычное дело. Политики и промышленники видятся часто.

Вот Геринг обходит всех собравшихся, с каждым перекидываясь парой слов, добродушно пожимая руки. Но глава рейхстага пригласил их не просто так, и, пробурчав короткое приветствие, он сразу же переходит к надвигающимся выборам, они состоятся 5 марта. Двадцать четыре сфинкса внимательно слушают. Эта избирательная кампания станет решающей, заявляет председатель рейхстага, пора покончить с непостоянством режима; для экономической деятельности нужны покой и стабильность. Двадцать четыре головы истово кивают. Люстра мерцает электрическими свечами, нарисованное на потолке солнце сияет ярче прежнего. И если нацистская партия получит большинство, продолжает Геринг, эти выборы будут последними на ближайшие десять лет; и даже, добавляет он со смешком, на все сто лет.

По рядам прокатился одобрительный шорох. Тут снова скрипнули двери, и в зал вошел новый канцлер. Те, кто никогда его раньше не видел, смотрели с любопытством. Гитлер улыбался и держался легко, совсем не так, как того ожидаешь, был приветлив и даже любезен, да, гораздо любезнее, чем можно

предположить. Каждого он поблагодарил лично, энергично пожал руку. Когда со знакомствами было покончено, все уселись обратно в удобные кресла. Крупп сидел в первом ряду, что-то нервно выискивая пальцем в усах; прямо за ним с умным видом скрестили ноги двое руководителей "И. Г. Фарбен"[1], а также фон Финк, Квандт и кто-то еще. Раздался глухой кашель, чуть слышно звякнул колпачок авторучки. Тишина.

Все внимали. Суть выступления сводилась к следующему: нужно покончить со слабым режимом, дать отпор коммунистической угрозе, подавить профсоюзы и позволить каждому владельцу быть фюрером на своем предприятии. Речь длилась полчаса. Когда Гитлер закончил, Густав поднялся, сделал шаг вперед и от имени всех приглашенных поблагодарил его за то, что он, наконец, прояснил им политическую ситуацию. Прежде чем уйти, канцлер снова быстро обошел всех по кругу. Его поздравляли, старались быть любезными. Похоже, старые промышленники выдохнули. Едва он удалился, Геринг взял слово, и, бойко перефразируя некоторые тезисы, снова вернулся к мартовским выборам. Вот она уникальная возможность выйти из тупика, в котором все оказались. Но на агитацию нужны средства; вот только у нацистской партии не осталось ни гроша, а предвыборная кампания приближается. Тут Ялмар Шахт встал, улыбнулся собравшимся, и скомандовал: "А теперь, господа, достаем кошельки!"

Такой, разумеется, несколько дерзкий призыв был для этих господ не в новинку; смазать колеса или дать на лапу — для них привычное дело. Коррупция — для любого крупного предприятия это статья расходов, которая не подлежит сокращению, она носит много имен: лоббирование, подарки к праздникам, финансирование партий. Так что большинство приглашенных сразу же внесли по нескольку сотен тысяч марок, Густав Крупп сделал пожертвование в один миллион, Георг фон Шницлер — в четыреста тысяч, и так набралась кругленькая сумма. Собрание 20 февраля 1933 года, которое может казаться нам беспрецедентным случаем в истории предпринимательства, чудовищной сделкой с нацистами и неслыханным позором для Круппов, Опелей и Сименсов — всего лишь рядовой эпизод деловой жизни, простая инвестиция. Все они переживут этот режим и в будущем станут финансировать уже другие партии, соответственно их успехам.

1. Концерн "И. Г. Фарбениндустри" производил газ "Циклон Б", который использовался в концлагерях для массовых убийств; а также был передаточным звеном в схеме теневого спонсирования нацистской партии из-за рубежа (США).